

DOI: 10.17976/jpps/2022.04.03

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

А.Г. Арбатов

АРБАТОВ Алексей Георгиевич, академик РАН, руководитель Центра международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: arbatov@imemo.ru

Арбатов А.Г. 2022. Украинский кризис и стратегическая стабильность. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 10-31. <https://doi.org/10.17976/2022.04.03>

Статья поступила в редакцию: 12.03.2022. Принята к публикации: 17.05.2022

Аннотация. Начало специальной операции России на Украине в конце февраля 2022 г. ознаменовало окончание исторического периода более полувека длиной. Отношения СССР/России и Запада завершили полный круг и вернулись к холодной войне, вновь приблизив державы к роковой черте, едва не перейденной в дни Карибского кризиса октября 1962 г. Влияние украинского конфликта на стратегическую стабильность проявляется, во-первых, в новых взглядах на ядерное сдерживание. Видимо, теперь в качестве причин рассмотрения вопроса применения российских ядерных сил подразумевается не только нападение на Россию и ее союзников с использованием ядерного или обычного оружия, но и прямое вовлечение НАТО в локальные военные действия на территории Украины, оказание ей помощи поставками вооружений, экономические санкции и даже агрессивные высказывания против России. На Западе эта тема широко обсуждается, в том числе на правительственном уровне, несмотря на официальные заявления Москвы об отсутствии таких ядерных планов. Во-вторых, воздействие украинской трагедии на стратегическую стабильность в том, что она непосредственно отразилась на переговорах России и США по стратегическим вооружениям, которые опять оказались “заморожены” после успешного дебюта в июле 2021 г. в Женеве. В-третьих, текущий конфликт пагубно отразился на общем климате политических отношений государств в Европе и за ее пределами, что всегда было важным фоном переговоров по контролю над вооружениями. Если удастся избежать наихудшего сценария, то рано или поздно украинская проблема будет разрешена мирным путем, каким бы трудным и далеким ни казался сейчас такой итог. После этого, или даже в процессе продвижения к миру, возможно возобновление диалога России и США по контролю над вооружениями. Так бывало и в прошлом, начиная с ослабления напряженности после Карибского кризиса и подписания договора 1963 г. о частичном запрещении ядерных испытаний. Затем, разрешая периодические кризисы, ответственные державы заключили десятки договоров по ядерному оружию и другим смертоносным средствам, что позволило к концу 1980-х годов завершить холодную войну, свернуть гонку вооружений и на три десятилетия избавить мир от призрака ядерного Армагеддона.

Ключевые слова: Россия, США, Украина, специальная военная операция, стратегическая стабильность, контроль над вооружениями.

Драматические события на Украине, развернувшиеся с конца февраля 2022 г., ознаменовали поворотный момент эволюции европейской и всей глобальной политики за последние полстолетия. Это был период, когда началась, вступила в стадию расцвета, а затем пришла в упадок и, в конце концов, потерпела крах беспрецедентная разрядка напряженности между Россией и Западом. Не вникая в генезис этого исторического этапа международных отношений, отметим, что теперь мир существенно изменится, даже если избежит худшего сценария развития событий — эскалации украинского конфликта к ядерной войне.

Но и при более благоприятном сценарии весьма вероятно, что текущий военный конфликт и международный кризис обратят вспять многое из того, что было достигнуто за прошедшие десятилетия неустанных политических, дипломатических и военно-технических усилий стран, прежде всего СССР/России и США. Эти усилия начались 60 лет назад после мирного завершения Карибского кризиса, который ближе всех прочих международных противостояний подвел человечество на грань ядерной катастрофы. С того момента начался процесс отхода от холодной войны. Шаги ведущих государств — с отступлениями, сбоями и позитивными прорывами — были направлены на мирное урегулирование конфликтов, продвижение процесса контроля над вооружениями и формирование стратегической стабильности как гарантии предотвращения ядерного катаклизма. Текущий военный конфликт на Украине — при всех переменах в общем мировом порядке за прошедшие десятилетия — завершил полный круг отношений России и Запада и вернул мир к холодной войне, снова приблизив державы к роковой черте.

НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Стоит вспомнить, что прошлый год породил надежды на лучшее. Казалось, что закончилась беспрецедентно длительная десятилетняя пауза в полувековом стратегическом диалоге Москвы и Вашингтона, которая наступила после ратификации Договора СНВ-3 (ДСНВ-3¹) в 2011 г.

Администрация Трампа не только затягивала эту паузу, но приступила к активному разрушению системы контроля над вооружениями. В 2019 г. она денонсировала Договор по ракетам средней дальности (ДРСМД), открыв путь к развертыванию гиперзвуковых ракет в Восточной Европе с коротким подлетным временем до Москвы. Она разрушила Договор по открытому небу в 2020 г., угрожала выйти из Договора по запрещению ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и отказалась продлевать ДСНВ-3 под занавес своего правления. Именно она создала прецедент поставки смертоносных вооружений Украине (в виде противотанковой системы *Javelin*). При Трампе США расширили гонку ядерных и высокоточных неядерных вооружений, систем ПРО и военно-космических программ. Они требовали от союзников значительного увеличения военных бюджетов и отказа от газопровода “Северный поток – 2”.

Благодаря приходу к власти демократической администрации ДСНВ-3 был продлен на пять лет до 5 февраля 2026 г. В июне 2021 г. прошел полновесный саммит России и США в Женеве, который открыл путь к началу консультаций по стратегической стабильности. В ходе первых раундов стороны создали две рабочие группы: “по принципам и задачам будущего контроля над вооружениями” и “по потенциальным действиям, способным иметь стратегический эффект”.

Но этот процесс был внезапно прерван, когда 16 декабря 2021 г. последовал дипломатический демарш России в виде двух проектов договоров (с США и НАТО), в которых в достаточно ультимативной форме выдвигались требования об отказе НАТО от расширения на Украину и другие постсоветские страны и содержались иные предложения в сфере контроля над вооружениями

¹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. *Президент России*, 08.04.2010. <http://kremlin.ru/supplement/512> (accessed 25.05.2022).

и военной деятельностью. Российские документы не производили впечатление тщательной юридической и военной проработки, в большой мере дублировали друг друга, а в ряде вопросов не стыковались (например, по ограничению ракет средней дальности, сроку уведомления о выходе из договоров).

На требование об отказе от расширения НАТО ни США, ни альянс в целом не согласились, хотя приняли ряд других конкретных российских предложений по контролю над вооружениями: прежде всего, о неразвертывании ракет средней и меньшей дальности в Европе с инспекциями на местах (чтобы убедиться, что российские ракеты не превышают разрешенной дальности, а американские не размещаются в пусковых установках ПРО в Румынии и Польше)².

До сих пор остается без объяснений внезапность российских инициатив, выбор момента и формы их выдвижения без видимой связи с начавшимся в Женеве диалогом по стратегической стабильности. Еще большая тайна – когда было принято принципиальное решение Кремля о военной спецоперации.

Декабрьские дипломатические инициативы России совпали с масштабной концентрацией крупной войсковой группировки около украинской границы, за которой последовали большие военно-морские маневры, включая передислокацию боевых кораблей в Черное море. Поэтому на Западе возобладало мнение, что дипломатический вызов Москвы был заведомо рассчитан на отказ и должен был служить лишь предлогом для начала военных действий против Украины, чтобы силой вернуть ее в традиционную российскую сферу влияния³.

Однако большинство независимых специалистов России полагали, что Москва не готовится к войне, а стремится оказать косвенное военное давление на Украину и НАТО, чтобы получить от них политические уступки⁴. Российских экспертов едва ли можно упрекнуть за ошибочный прогноз. Просто в отличие от западных коллег они полагались на многократные заявления российских официальных лиц, опровергавших зарубежные предсказания грядущего “военного вторжения” в Украину и объяснявших большие военные мероприятия плановыми учениями на территории России и Беларуси.

Например, в конце января министр иностранных дел С. Лавров сказал: “Если начало или предотвращение войны с Украиной зависит только от России, то уже сейчас можно точно сказать: ее не будет”. Правда, потом он сделал многозначительную оговорку: “Мы войн не хотим. Но и наступать грубо на наши интересы, игнорировать наши интересы мы тоже не позволим”⁵. Но большая часть российской общественности восприняла только первую часть заявления, тем более что 16 февраля 2022 г. Министерство обороны

² Арбатов А., Липский А. О чем можно договориться с Западом? *Новая газета*, 07.02.2022. <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/07/o-chem-mozhno-dogovoritsia-s-zapadom> (accessed 06.04.2022).

³ Россия начала отвод войск от украинской границы. Как на это отреагировали политики в Европе и США? *Lenta.ru*, 16.02.2022. https://lenta.ru/brief/2022/02/16/all_around_ukraine/ (accessed 25.05.2022).

⁴ Арбатов А., Паниев Ю. Надежда на предотвращение новой войны в Европе еще не умерла. *Независимая газета*, 16.01.2022. https://www.ng.ru/dipkurer/2022-01-16/9_8346_hope.html (accessed 06.04.2022); Арбатов А. Второй фронт глобального противоборства. *Независимая газета*, 13.02.2022. https://www.ng.ru/dipkurer/2022-02-13/9_8370_china.html (accessed 06.04.2022).

⁵ Лавров заявил об отсутствии у РФ желания начинать войну. *Известия*, 28.01.22. <https://iz.ru/1283411/2022-01-28/lavrov-zaiavil-ob-otsutstvii-u-rf-zhelaniia-nachinat-voinu> (accessed 25.05.2022); Нарышкин заявил об отсутствии у России планов по вторжению на Украину. *Известия*, 10.02.2022. <https://iz.ru/1289406/2022-02-10/naryshkin-zaiavil-ob-otsutstvii-u-rossii-planov-po-vtorzheniiu-na-ukrainu> (accessed 25.05.2022).

объявило о завершении маневров и отводе войск от границ Украины в места постоянной дислокации, что несколько дней транслировало телевидение⁶.

Затем произошло неожиданное заседание Совета Безопасности РФ 21 февраля 2022 г., а после него — признание независимости ДНР и ЛНР. Ранним утром 24 февраля Россия начала специальную военную операцию (СВО) на Украине. Запад ответил беспрецедентными многоступенчатыми санкциями, поставками Киеву вооружений и военной техники, а также прекращением диалога США и России по стратегической стабильности, несмотря на готовность Москвы к продолжению процесса⁷.

ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ И ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Конфликт уже оказал и будет оказывать существенное влияние на стратегическую стабильность, которое еще предстоит осознать. Официальная риторика и брифинги вовлеченных государств, пространство массовой информации наводнены фактами и оценками происходящего на Украине, которые зачастую по понятным причинам диаметрально противоположны⁸.

Здесь достаточно отметить, что, по официальным заявлениям, операция развивается по плану, хотя по данным от 25 марта за первый месяц ее проведения российские военные потери составили 1 301 человек убитыми и 3 825 ранеными⁹. В интервью телеканалу *Sky News* пресс-секретарь президента России Д. Песков с горечью признал: “Мы понесли значительные потери войск, это огромная трагедия для нас”¹⁰. Его чувства можно понять, поскольку урон в спецоперации был в десять раз больше, чем средние ежемесячные “невозвратные потери” в Афганской войне¹¹. Неизвестно также, стало ли это причиной изменения тактики операции 26 марта или такой поворот был запланирован изначально, а именно: прекращение наступления с северных направлений и переброска войск на Юго-Восток Украины.

Между тем военная операция в Украине коснулась подхода России к ядерному оружию. В своем судьбоносном Обращении от 24 февраля 2022 г., положившем начало военной операции, президент Путин сделал два замечания, прямо относившихся к ядерному оружию. Сначала он сказал: “Что касается военной сферы, то современная Россия даже после развала СССР и утраты значительной части его потенциала является сегодня одной из самых мощных ядерных держав мира и, более того, обладает определенными преимуществами в ряде новейших видов вооружения. В этой связи ни у кого не должно быть

⁶ Россия начала отвод войск... Указ. соч.

⁷ В МИД заявили о готовности России возобновить диалог с США по стратегической стабильности. *RT на русском*. 19.04.2022. <https://russian.rt.com/world/news/992458-rossiya-stratstabilnost-dialog-ssha> (accessed 25.05.2022).

⁸ Детальное рассмотрение военного конфликта не входит в тему настоящей статьи по двум причинам. Во-первых, принятые поправки в УПК РФ запрещают под угрозой уголовного наказания оперировать любыми данными, кроме официальной российской информации, которая, естественно, отражает позицию лишь одной стороны и не оставляет поля для объективного научного анализа. Во-вторых, ситуация развивается динамично, и любой обзор событий неизбежно устареет к моменту опубликования этой статьи. Также к предмету настоящей работы не относятся экономические и общие международно-политические последствия украинского кризиса для России и остального мира.

⁹ Песков сообщил о значительных потерях российских войск на Украине. *Ведомости*, 07.04.2022. <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/04/07/917177-peskov-soobschil-o-znachitelnih-poteryah-rossiiskih-voisk-na-ukraine?ysclid=I3osb3jol5> (accessed 25.05.2022).

¹⁰ Там же.

¹¹ За 10 лет войны в Афганистане (1979-1989 гг.) погибли около 15 тыс. военнослужащих.

сомнений в том, что прямое нападение на нашу страну приведет к разгрому и ужасным последствиям для любого потенциального агрессора”¹².

Далее президент сделал грозное предупреждение: “Теперь несколько важных, очень важных слов для тех, у кого может возникнуть соблазн со стороны вмешаться в происходящие события. Кто бы ни пытался помешать нам, а тем более создавать угрозы для нашей страны, для нашего народа, должны знать, что ответ России будет незамедлительным и приведет вас к таким последствиям, с которыми вы в своей истории еще никогда не сталкивались. Мы готовы к любому развитию событий. Все необходимые в этой связи решения приняты. Надеюсь, что я буду услышан”¹³.

Первое заявление вполне согласуется с официальной Военной доктриной России, которая определяет условия применения ею ядерного оружия. Во-первых, “Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения”. Во-вторых, ядерное оружие может быть использовано “...в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства”¹⁴.

Другой директивный документ, “Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия” (2020 г.), уточняет первое положение двумя сценариями. Во-первых, это “поступление достоверной информации о старте баллистических ракет, атакующих территории Российской Федерации и (или) ее союзников”¹⁵. Второй сценарий: “применение противником ядерного оружия или других видов оружия массового поражения по территориям Российской Федерации и (или) ее союзников”. Речь, видимо, идет о ядерном нападении иными средствами, помимо баллистических ракет.

14

Наконец, еще один повод к применению ядерного оружия: “воздействие противника на критически важные государственные или военные объекты Российской Федерации, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил”¹⁶. Поскольку об агрессии с применением оружия массового уничтожения и обычного оружия сказано отдельно, в данном случае, вероятно, подразумевается кибернетическое и иные виды нападения на информационно-управляющую систему стратегических сил России¹⁷.

¹² Обращение Президента Российской Федерации. *Президент России*, 24.02.2022. <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (accessed 25.02.2022).

¹³ Там же.

¹⁴ Военная доктрина Российской Федерации. <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 01.02.2018).

¹⁵ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. No. 355. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> (accessed 25.05.2022) (здесь речь идет о концепции так называемого ответно-встречного удара, которую не раз красноречиво описывал президент Путин. См. Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. *Президент России*, 18.10.2018. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (accessed 25.05.2022)).

¹⁶ Там же.

¹⁷ В целом в ядерной области доктринальные положения США весьма сходны. Так, в “Обзоре ядерной политики” от 2018 г. (за неимением более актуального документа) сказано: “Учитывая многообразие угроз и в значительной степени непредсказуемый характер этих угроз в настоящее время и в будущем, ядерные силы США выполняют следующие важнейшие функции, предусмотренные стратегией национальной безопасности Соединенных Штатов: предотвращение нападения с применением и без применения ядерного оружия; гарантия безопасности союзников и партнеров; достижение целей государственной политики США в случае провала сдерживания; способность реагировать на не-

Второе из приведенных высказываний президента Путина в обращении 24 февраля 2022 г. расширяет положения Военной доктрины и Основ ядерной политики, намекая на ядерный удар по тем, “у кого может возникнуть соблазн со стороны вмешаться в происходящие события”. Очевидно, что под такими событиями имеется в виду спецоперация в Украине, и это нечто иное, нежели упомянутая в Военной доктрине “агрессия против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства”. Теперь речь идет о российской военной операции в другой стране и готовности Москвы применить самое мощное оружие против тех, кто будет ей мешать, хотя не уточняется, какого рода вмешательство НАТО вызовет столь сокрушительный ответ (прямое использование вооруженных сил, воздушная или морская блокада, поставки тяжелых видов вооружений).

Как бы обосновывая дополнение Военной доктрины новыми положениями, президент Путин представил расширительное толкование понятия “угрозы существованию государства”. Говоря о возможном расширении НАТО на Украину, президент указал: “Для США и их союзников это так называемая политика сдерживания России, очевидные геополитические дивиденды. А для нашей страны – это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа. И это не преувеличение – это так и есть. Это реальная угроза не просто нашим интересам, а *самому существованию нашего государства*, его суверенитету (курсив мой. – А.А.). Это и есть та самая красная черта, о которой неоднократно говорили. Они ее перешли”¹⁸.

В подтверждение серьезности своих намерений и того, что “все необходимые в этой связи решения приняты”, 27 февраля 2022 г. президент России на встрече с министром обороны С. Шойгу и начальником Генштаба В. Герасимовым заявил: “Высшие должностные лица ведущих стран НАТО допускают и агрессивные высказывания в адрес нашей страны, поэтому приказываю министру обороны и начальнику Генерального штаба [ВС РФ] перевести силы сдерживания российской армии в особый режим несения боевого дежурства”. Также в обоснование этого шага он указал на недружественные действия западных стран в экономической сфере: “Я имею в виду нелегитимные санкции, о которых все хорошо знают”¹⁹.

Указанные заявления и шаги российского руководства подразумевают более широкую трактовку политики в области ядерного сдерживания и тем самым отражаются на состоянии стратегической стабильности. Отметим, что “агрессивные высказывания” и “нелегитимные санкции” из-за рубежа не подразумевались как стимул к применению ядерного оружия в согласованной Москвой и Вашингтоном в 1990 г. концепции стратегической стабильности

предвиденные ситуации в будущем”. См. Nuclear Posture Review. *Office of the Secretary of Defense*, 2018, Washington, D.C. <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwja56qH06D4AhWB-yoKHU0cC7UQFnoECAMQAQ&url=https%3A%2F%2Fmedia.defense.gov%2F2018%2F2Feb%2F02%2F2001872886%2F-1%2F-1%2F2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF&usq=AOvVaw2LcVfanLIhnyfKvrHpcHBS> (accessed 01.03.2018).

¹⁸ Обращение Президента Российской Федерации. *Президент России*, 24.02.2022. <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (accessed 25.02.2022).

¹⁹ Президент РФ Владимир Путин в ответ на агрессивные высказывания на Западе поручил перевести силы сдерживания в российской армии в особый режим несения службы. *TACC*, 27.02.2022. https://tass.ru/politika/13885447?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed 25.05.2022).

[Совместное заявление... 1990]. Также их нет в Военной доктрине России от 2018 г. и в “Основах ядерной политики РФ” от 2020 г.

Несомненно, появившиеся в связи с СВО новшества в российской ядерной политике свидетельствуют не о намерении Кремля развязать ядерную войну, а о стремлении усилить эффект сдерживания в отношении нежелательных действий НАТО. В то же время любой специалист в данной области знает, что между сдерживанием и реальным ведением ядерной войны весьма размытая граница, которую можно быстро перейти в условиях активных боевых действий. Это подтверждается в директивном российском документе по данному вопросу, который гласит: “Ядерное сдерживание обеспечивается... готовностью и решимостью Российской Федерации применить такое оружие”²⁰. Сам президент Путин пояснил это положение общедоступным языком: “У нас есть для этого все инструменты — такие, которыми не может сейчас похвастаться никто. А мы хвастаться не будем — мы будем их использовать, если потребуются...”²¹ В известном смысле ядерное сдерживание — это и есть “хвастовство” для политического воздействия на вероятного противника, а ведение ядерной войны — это практическое использование оружия данного класса.

Неудивительно, что слова и дела Москвы вызвали на Западе большой ажиотаж. Конкретные меры “особого режима несения боевого дежурства”, как обычно, не разъяснялись, но официальная реакция США и оценки независимых экспертов не зафиксировали заметного повышения активности российских стратегических ядерных сил (СЯС). На основе данных коммерческих спутников, находящихся в открытом доступе, американские специалисты заключили, что “особый режим боевого дежурства”, скорее всего, коснулся функционирования пунктов боевого управления СЯС²².

16 Так или иначе, Соединенные Штаты и НАТО не ответили на акции России аналогичным образом, заявив, что в этом нет необходимости, поскольку они имеют полную уверенность в адекватности своего потенциала сдерживания на обычном уровне боеготовности. В то же время, чтобы не обострять обстановку, в марте США отложили плановый проверочный запуск старой межконтинентальной баллистической ракеты “Минитмен-3”, а вскоре и вовсе его отменили²³. В том же месяце они без публичного освещения испытали новейшую гиперзвуковую систему авиационного базирования²⁴. Это стало ответом на критику со стороны Конгресса по поводу технического отставания США от России, усилившуюся после широко освещенного российскими СМИ удара авиационных гиперзвуковых ракет “Кинжал” по украинским объектам.

Обоюдное приведение ядерных сил США и СССР в повышенную боеготовность может включить опаснейший “стратегический резонанс” механизма эскалации, чреватый срывом в реальное вооруженное столкновение с применением ядерного оружия. К счастью, в прошлом этого удалось избежать, хотя

²⁰ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия... *Указ. соч.*

²¹ Встреча с Советом законодателей. *Президент России*, 17.04.2022. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68297> (accessed 25.05.2022).

²² Broad W.J. How America watches for a nuclear strike. *The New York Times*, 05.04.2022. <https://nytimes.com/2022/04/05/science/nuclear-weapon-russia-satellite-tracking.html> (accessed 25.05.2022).

²³ Losey St. Pentagon kept hypersonic test quiet amid Russia tensions. *Defense News*, 05.04.2022. <https://www.defensenews.com/air/2022/04/05/pentagon-kept-hypersonic-test-quiet-amid-russia-tensions> (accessed 09.06.2022).

²⁴ Эта система называлась HAWC (*Hypersonic Air-breathing Weapon Concept*). См. Losey St. *Op. cit.*

стороны приближались к опасной черте во время Карибского кризиса 1962 г., ближневосточной войны 1973 г. и кризиса 1983 г. из-за развертывания американских ракет средней дальности в Европе (совпавшего с ложной тревогой советской системы предупреждения о ракетном нападении²⁵).

ЭСКАЛАЦИОННЫЕ СЦЕНАРИИ

Три года назад президент России сказал об отношениях с Западом: “Есть взаимные претензии, разные подходы к решению тех или иных проблем... но это же не повод для того, чтобы доводить дело до какого-то противостояния на уровне Карибского кризиса...” Россия, заметил он, этого не желает, но потом добавил: “Если там кто-то хочет, то пожалуйста”²⁶. Ныне противостояние России и Запада приблизилось к противостоянию такого уровня, и важнейшей темой конфликта в Украине стала вероятность эскалации военных действий, чреватая угрозой применения ядерного оружия, подобно возникшей 60 лет назад.

В то время десятки советских ядерных ракет средней дальности уже были тайно установлены или спешно развертывались на Кубе. США планировали массированный неядерный авиационный удар по ракетным базам и десантную операцию, но, к счастью, за два дня до намеченной даты между Москвой и Вашингтоном был достигнут компромисс [Kennedy 1969: 96-97]. СССР согласился вывести ракеты и все ядерное оружие с Кубы, а США приняли обязательство не нападать на нее (приватно также обещали убрать из Великобритании, Италии и Турции свои ракеты средней дальности “Тор” и “Юпитер”, что вскоре и сделали).

Сейчас, благодаря Будапештскому меморандуму 1994 г. (который гарантировал Киеву территориальную целостность в обмен на вывоз оставшегося там советского ядерного оружия), на Украине нет ни своих, ни американских ядерных ракет. В то же время в октябре 1962 г. не велось боевых действий, и за все время кризиса погиб только один человек – пилот разведывательного самолета США, сбитого над Кубой. Теперь на Украине несколько месяцев продолжаются боевые действия, наносятся авиационные и ракетные удары, погибли многие тысячи украинских, российских военнослужащих и мирных жителей, ширится разрушение экономических объектов и жилого фонда.

В прошлом американский флот осуществлял морскую блокаду Кубы, создавая опасность прямого столкновения с грузовыми судами и подводными лодками СССР (имевшими на борту ядерные торпеды). Сейчас российский ВМФ контролирует акватории Азовского моря и Северного Черноморья и наносит ракетные удары по стратегическим объектам Украины, но и сам является целью береговых противокорабельных ракет Украины и тех, что ей поставляют из-за рубежа.

В те годы Остров Свободы волновал только Советский Союз и Соединенные Штаты, а их союзников беспокоила лишь опасность перенесения войны в Европу. В наши дни весь Североатлантический альянс считает Украину кардинальным вопросом международной безопасности, оказывает ей нарастающую военную помощь, и конфликт может перерасти в военное столкновение России со всем блоком НАТО.

²⁵ 40 минут до Третьей мировой. В ночь с 25 на 26 сентября 1983 года подполковник Станислав Петров спас планету от ядерной катастрофы. *Родина*, 09.19.2017. <https://rg.ru/2017/09/19/rodina-stanislav-petrov.html> (accessed 25.05.2022).

²⁶ Блинов М. До нового Карибского кризиса не дойдет – Путин о разногласиях с США. *Sputnik*, 20.02.2019. <https://ru.sputnik.kz/20190220/putin-usa-karibskiy-krizis-9372537.html> (accessed 25.05.2022).

Американские города уже в 1962 г. были уязвимы для нескольких десятков советских ядерных носителей, но США еще многократно превосходили СССР по совокупному ядерному потенциалу стратегических вооружений и средств средней дальности на передовых базах (по одному из подсчетов, соотношение было 5 000 американских против 300 советских ядерных боеприпасов [Барановский 2021: 205]). Поэтому в случае войны Вашингтон планировал нанести разоружающий (контрсиловой) ядерный удар по военным объектам, а затем и городам противника. Москва могла нанести ограниченный упреждающий удар, за которым последовало бы сокрушительное возмездие США²⁷. Теперь между двумя державами имеется стабильное стратегическое равновесие.

По силам общего назначения американское преобладание в Карибском бассейне было подавляющим, но в Центральной Европе Варшавский Договор имел большое превосходство над НАТО. Ныне на европейском театре зарубежные источники (за неимением официальных российских данных) приписывают России многократное преобладание по тактическому ядерному оружию [Kristensen, Korda 2020: 102-117]. В Восточной Европе российские обычные вооруженные силы имеют значительное преимущество над НАТО, но на всем Евroatлантическом пространстве большой перевес на стороне Запада [Арбатов 2021: 50-51].

В 1962 г. ядерная война могла разразиться одномоментно после авианалета США на советские ядерные ракеты на Кубе и их ответного удара по американским городам. Его мог санкционировать командующий операцией “Анадырь” на месте действия генерал армии И. Плиев [Хрушев 1994: 357] в случае американского нападения и потери связи с Москвой. Это повлекло бы массированный ядерный удар ракет и бомбардировщиков США по СССР [Kaplan 1983: 369]. Сейчас катастрофа может случиться в итоге нескольких дней эскалации прямого столкновения вооруженных сил РФ и НАТО.

В России эта вероятность обсуждается весьма скупко, поскольку дискуссия может повлечь уголовные последствия, если будет расценена как противодействие проведению СВО. Вот одно из редких публичных высказываний, которое принадлежит вхожему во властные круги политологу, претендующему на отражение взглядов руководства с заметным эпатажным флером: “Я не знаю какой будет итог этой войны, но я думаю, что он будет включать раздел Украины тем или иным способом. Надеюсь, что-то под названием ‘Украина’ в конце концов останется. Но Россия не может позволить себе ‘проиграть’, так что нам нужна какого-то рода победа. И если мы почувствуем, что проигрываем войну, то я думаю возникнет определенная возможность эскалации”²⁸.

Вопреки таким намекам, глава российского МИД С. Лавров заявил: “Россия не рассматривает возможности использования на Украине ядерного оружия, речь идет только об обычных вооружениях”²⁹. В данном случае

²⁷ По расчетам Пентагона, массированный удар в среднесрочном плане повлек бы человеческие жертвы в СССР, КНР, среди их союзников и соседних нейтральных стран порядка 800 млн убитыми [Ellsberg 2017: 100-104].

²⁸ Maçães B. “Russia cannot afford to lose, so we need a kind of a victory”: Sergey Karaganov on what Putin wants. *The New Statesman*, 02.04.2022. <https://www.newstatesman.com/world/europe/ukraine/2022/04/russia-cannot-afford-to-lose-so-we-need-a-kind-of-a-victory-sergey-karaganov-on-what-putin-wants> (accessed 25.05.2022).

²⁹ Лавров: Россия не рассматривает применение ядерного оружия на Украине. *Ведомости*, 19.04.2022. <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/04/19/918766-lavrov-rossiya-ne-rassmatrivaet-primeneniya-yadernogo-oruzhiya> (accessed 25.05.2022).

министр не сделал оговорок, но, памятуя прошлый опыт, на Западе к этим заверениям отнеслись с недоверием. По мнению западных экспертов, помимо применения химоружия, главный сценарий предполагает решение Москвы использовать на Украине тактический ядерный боеприпас малой мощности. Это прогнозируется в случае поражения сил СВО на каком-то участке или перехода операции в затяжной позиционный характер с растущими российскими потерями и невозможностью переломить ситуацию для победного завершения кампании³⁰.

Другим поводом считаются удары Украины по российской территории (включая Крым)³¹. В связи с этим в конце мая в центре внимания оказался план поставок в Украину американских систем залпового огня (РСЗО) типа M207 и M142 HIMARS, которые, помимо реактивных снарядов, могут запускать тактические управляемые баллистические ракеты типа ATACMS или PrSM с дальностью соответственно до 300 и 500 км (аналогичные российской системе 9M723 “Искандер-М”). Москва предупредила, что такие ракеты создадут угрозу ударов по российской территории, что вызовет опасную эскалацию конфликта. В ответ Вашингтон объявил, что пока воздержится от их передачи Украине, ограничившись поставкой только реактивных снарядов (с дальностью до 80 км).

Также предполагается эскалация в результате попытки Литвы заблокировать российский сухопутный доступ в Калининградскую область, что вызовет прямое столкновение войск РФ и размещенных в Балтии и Польше контингентов НАТО³². Кроме того, рассматривается сценарий удара России по объектам или коммуникациям на территории пограничных с Украиной стран НАТО, вовлеченных в поставки вооружений и военной техники, рассматриваемые Москвой как прямая угроза России³³. Особенно – по мере перехода от передачи легких противотанковых и противовоздушных средств (*Javelin*, *Stinger*) к тяжелым и более эффективным системам большей дальности. Предполагается, что это повлечет растущие потери российских войск, а возможно, и переход украинской армии в тех или иных районах в контрнаступление. Указанная цель, наряду с истощением военных ресурсов России, теперь публично ставится некоторыми министрами США и руководителями отдельных стран НАТО³⁴.

³⁰ Jackson J. Nuclear weapons threat increases as Putin grows more desperate. *Newsweek*, 18.04.2022. <https://www.newsweek.com/nuclear-weapons-threat-increases-putin-grows-more-desperate-1698630> (accessed 25.05.2022).

³¹ Bugos Sh. Putin orders Russian nuclear weapons on higher alert. *Arms Control Today*, March 2022. <https://www.armscontrol.org/act/2022-03/news/putin-orders-russian-nuclear-weapons-higher-alert> (accessed 25.05.2022); Alberque W., Hoffmann F. Three scenarios for nuclear risk over Ukraine – and how NATO can respond. Opinion. *The Washington Post*, 31.03.2022. <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/31/nuclear-risks-over-ukraine-are-slim-real-heres-what-nato-can-do> (accessed 25.05.2022).

³² МИД РФ: возможная блокада Калининграда – это игра с огнем. *Вестн. RU*, 06.04.2022. <https://www.vesti.ru/article/2699676> (accessed 25.05.2022).

³³ Речь может идти о бронетехнике и авиации бывших союзников СССР, а также из арсеналов США и ФРГ, средствах контрбатареинного огня повышенного радиуса действия (типа *AN/TPQ-36*), тяжелой артиллерии, системах залпового огня, противокорабельных ракет (*Harpoon*), систем ПВО/ПРО (помимо советских *C-300*, также *Patriot*), ударных беспилотников типа *Switchblade*, *Reaper*, *Predator*. См. Lamothe D., Demirjian K. Pentagon looks to vastly expand weapons for Ukraine. *The Washington Post*, 12.04.2022. <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/04/12/pentagon-ukraine-weapons> (accessed 14.05.2022).

³⁴ Hirsh M. Biden’s dangerous new Ukraine endgame: no endgame. *Foreign Policy*, 29.04.2022. <https://foreignpolicy.com/2022/04/29/russia-ukraine-war-biden-endgame> (accessed 25.05.2022).

По этому поводу цитировавшийся выше российский политолог декларирует: "...Рано или поздно, а скорее, рано, нам придется ставить вопрос о прекращении каналов поставки вооружений на Украину, что является абсолютно враждебным со стороны Запада актом. Это может привести к необходимости эскалации ударов по военным объектам уже вне Украины. И по транспортным артериям. И, конечно, нужно перебить все транспортные артерии на западе Украины. Но это уже задача военно-политического командования. А при затягивании конфликта на Украине будет возрастать вероятность так называемой горизонтальной и вертикальной эскалации. То есть расширения конфликта. А, может быть, даже перевода его на более высокий и страшный уровень вооружений. Этот вопрос, к сожалению, встает все более остро"³⁵.

Приведенное суровое предупреждение Украине и всему Западнему миру содержит некоторую недосказанность, а именно – о вероятном ответе другой стороны на такой шаг. Удар по территории НАТО немедленно "включит" ст. 5 Североатлантического договора, начнется прямой вооруженный конфликт России и НАТО вплоть до взаимного массированного применения ядерного оружия. Это косвенно подтвердил и президент России, когда в Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. сказал: "Любое применение ядерного оружия против России или ее союзников малой, средней, да какой угодно мощности мы будем рассматривать как ядерное нападение на нашу страну. Ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями"³⁶. Естественно предположить такую же реакцию со стороны Запада. Реагируя на инсинуации о возможном применении Россией ядерного оружия, официальные лица США в последнее время стали высказываться в духе худших времен холодной войны: "...Нам нужно быть готовыми к использованию Россией разных типов оружия с катастрофическими последствиями. Сейчас мы – и не только США, но и другие представители трансатлантического сообщества – очень настойчиво доносим до Путина сигнал о том, что этот шаг будет катастрофой не только для Украины и мира, но также это будет иметь абсолютно катастрофические последствия для самого Путина и для России"³⁷.

Наконец, третий разряд сценариев – непреднамеренная эскалация конфликта в результате столкновений (или огневых контактов) кораблей и самолетов, других инцидентов, ошибок в оценке намерений и действий противника, технических сбоев или несанкционированных действий личного состава. Карибский кризис дал несколько примеров таких инцидентов всего за две недели событий, причем в отсутствие реальных боевых действий [Kennedy 1969; Хрущев. 1994]. На Украине и вокруг нее относительно продолжительные военные действия и существенные потери будут создавать все больше такого рода ситуаций. Эта вероятность усугубляется ввиду автоматизации процессов обработки информации и скорости принятия решений, разрушительной мощи, быстродействия, автономизации и дальности систем оружия. Опасность тем более велика в условиях кибернети-

³⁵ Караганов С.А. Против нас большой Запад, который рано или поздно начнет сыпаться. *Российская газета*, 12.04.2022. <https://rg.ru/2022/04/12/sergej-karaganov-protiv-nas-bolshoj-zapad-kotoryj-rano-ili-pozdno-nachnet-sypatsia.html> (accessed 14.05.2022).

³⁶ Послание Президента Федеральному Собранию. *Президент России*, 01.03.2018. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 10.03.2018).

³⁷ Виктория Нуланд: в случае ядерного удара Украина не останется в одиночестве. *Aftershock*, 23.04.2022. <https://aftershock.news/?q=node/1099461&page=1&> (accessed 25.05.2022).

ческих атак на информационно-управляющие системы, которые многократно выросли за время украинского конфликта [Шариков 2022]³⁸.

Безусловно, зарубежные сценарии первого применения ядерного оружия, вменяемого России, вызывают серьезные возражения. Инициатором такой эскалации могут стать и США, которые, начиная с 1960-х годов, всегда уделяли концепции ограниченной ядерной войны большое внимание. При Трампе в подтверждение этой концепции был принят целый “пакет” разработок ядерного оружия³⁹. Вопреки оговорке об ответных действиях, США и раньше и теперь планируют применение ядерного оружия первыми в случае переноса военной операции России на территории стран Балтии и Польши, если НАТО не сможет ей воспрепятствовать силами общего назначения. Об этом прямо сказано в доктринальных документах Вашингтона⁴⁰.

Ядерный удар с использованием систем тактического класса или средней дальности ввиду геостратегической асимметрии был бы неминуемо воспринят Россией как стратегическое нападение, даже если в нем не применялись бы межконтинентальные баллистические ракеты, отнесенные к стратегическим вооружениям на переговорах по СНВ. Неслучайно в документе “Основы ядерной политики” наряду с ракетным нападением в качестве основания для российского ядерного ответа отдельно упомянуто “применение противником ядерного оружия или других видов оружия массового поражения по территориям Российской Федерации и (или) ее союзников”⁴¹. В таком случае практически неизбежна быстрая эскалация обмена ядерными ударами, которая, по недавним подсчетам зарубежных специалистов, повлекла бы для стран НАТО и России непосредственные суммарные потери порядка 90 млн человек⁴² и намного больше в следующие месяцы от вторичных эффектов ядерных взрывов⁴³.

ЯДЕРНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ

В свете приведенных апокалиптических сценариев следует остановиться на некоторых психологических феноменах. В российских политических, экспертных кругах и обществе подспудно распространено мнение, что на Западе

³⁸ Colletta C. *Blundering into a nuclear war in Ukraine: a hypothetical scenario*. *NTI.org*, 18.03.2022. <https://www.nti.org/atomic-pulse/blundering-into-a-nuclear-war-in-ukraine-a-hypothetical-scenario> (accessed 25.05.2022).

³⁹ Как средство ограниченных ядерных ударов часть баллистических ракет подводных лодок “Трайдент-2” были оснащены ядерными боеголовками пониженной мощности W76-2, было намечено возродить снятые с вооружения ВМС в 2011 г. ядерные крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) “Томахок” (*TLAM-N – Tomahawk land-attack nuclear missile*), разработать и принять на вооружение, в том числе для размещения в Европе, управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (B61-12) для тактической и стратегической авиации, а также новые крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (*LRSO – long-range stand-off missile*). Позже администрация Байдена отменила программу ядерных КРМБ “Томахок”, что вызвало жесткое сопротивление Комитета начальников штабов и Конгресса.

⁴⁰ Nuclear Posture Review. *Op. cit.*

⁴¹ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. Москва, Кремль 2 июня 2020 г. No. 355.

⁴² New Study on US-Russian Nuclear War. *ICAN*, 18.09.2019. https://www.icanw.org/new_study_on_us_russia_nuclear_war (accessed 25.05.2022).

⁴³ Речь идет, помимо распространения радиоактивного заражения местности с атмосферными и водными потоками, о последствиях разрушения современных социально-экономических и государственных инфраструктур, а также “ядерной зимы” – резкого похолодания климата из-за задымления атмосферы в результате обширных пожаров.

больше боятся ядерной войны, чем в России, и это иногда находит отражение на официальном уровне.

Действительно, на Западе материальный уровень жизни значительно выше, чем в России, а терпимость к человеческим жертвам намного ниже, что еще раз показали локальные войны НАТО в Афганистане и Ираке. Тем не менее нельзя переносить опыт обычных локальных конфликтов на ядерную войну. В первом случае поддержка правительств со стороны широкой общественности действительно играет ключевую роль. Этим объясняется однозначный отказ Вашингтона и его союзников от прямого участия в военных действиях на Украине. Но это неприменимо к ядерной войне, решение о начале которой в пиковой ситуации может принять единолично президент и для ведения которой не нужна поддержка народа, который, кстати, сам окажется первой массовой жертвой такой войны.

Да и исторический опыт не подтверждает мнения о большей “робости” Запада перед лицом ядерной угрозы, хотя там, по мнению ряда экспертов, осведомленность политических элит, парламентов, академического сообщества и прессы по части ядерных реалий намного шире, чем в России. В дни Карибского кризиса обе стороны перевели свои ядерные силы в максимальную степень боеготовности, и Белый Дом “не уступил дорогу” Кремлю, хотя оба ухватились за возможность заключить взаимоприемлемый компромисс. В ходе ближневосточного кризиса 1973 г. США в одностороннем порядке повысили уровень боеготовности стратегических сил, как и после террористической атаки 9 сентября 2001 г. В 2022 г. это сделала Россия, как, судя по некоторым признакам, и в 2014 г. во время присоединения Крыма⁴⁴. В обоих последних случаях США не отреагировали аналогично, не видя повода для ядерной войны.

Однако уповать на такую сдержанность применительно к ядерной эскалации украинского кризиса едва ли благоразумно. Как показал опыт, недооценка противника в обычном конфликте чревата тяжелыми последствиями, а при использовании ядерного оружия может обернуться катастрофой для всех сторон.

Есть и другой важный психологический момент в нынешнем противостоянии. В течение последних двадцати лет понемногу и незаметно шла ревизия подходов к ядерному оружию и самой ядерной войне, сложившихся к концу 1980-х годов в правящих кругах и широкой общественности Советского Союза и Запада. Наиболее емким выражением тех взглядов стала сакраментальная формула Горбачева – Рейгана “в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана”, которая была официально воспроизведена “ядерной пятеркой” накануне украинского кризиса⁴⁵.

Согласно этим взглядам, хотя международные конфликты происходили всегда, их сочетание с ядерным оружием стало угрозой выживанию современной цивилизации. Ядерная война перестала быть продолжением политики иными средствами, поскольку применение такого оружия было бы национальным самоубийством. Поэтому государства должны вести переговоры о ядерном разоружении, несмотря на свои политические и идеологические противоречия. Любое ограниченное использование ядерного оружия с высокой вероятностью повлечет эскалацию к всеобщей катастрофе.

⁴⁴ Путин угрожал Западу ядерным оружием. *ИНОСМИ*, 16.03.2015. <https://inosmi.ru/20150316/226891458.html?ysclid=13lao5javv?> (accessed 25.05.2022).

⁴⁵ Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений. *Президент России*, 03.01.2022. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67551> (accessed 25.02.2022).

После Карибского кризиса это мышление получило признание в преобладающей части правящих кругов и общественного мнения Запада и Востока. Начались практические переговоры по разоружению, которые увенчались целой серией основополагающих договоров⁴⁶. Так было положено начало полувековому пути, ознаменованному десятью договорами и соглашениями об ограничении и сокращении стратегических вооружений и ракет средней дальности⁴⁷. Этот путь был важнейшим направлением прекращения холодной войны и перехода к беспрецедентной разрядке напряженности и всестороннему сотрудничеству великих держав и их союзов.

Исторический парадокс состоит в том, что именно успехи в деле снижения ядерной угрозы повлекли смещение этой проблематики на периферию общественного внимания к международной безопасности. На передний план вышли финансово-экономические, климатические, эпидемиологические и другие проблемы, а в области безопасности – распространение ядерного оружия, этнические и религиозные конфликты, международный терроризм и другие виды трансграничной преступности.

Между тем сменялись поколения политиков, военных и гражданских профессионалов. Хрущев и Кеннеди были непосредственными участниками Второй мировой войны, когда Москва и Вашингтон были союзниками (причем Хрущев потерял сына, а Кеннеди получил тяжелую боевую травму, которая досаждала ему всю оставшуюся жизнь). Они и их современники знали войну не по героическим кинофильмам, а своими глазами видели бедствия, горе, кровь и грязь настоящей войны. В их памяти еще не стерся шок от ужасов Хиросимы и Нагасаки. Они были очевидцами испытаний термоядерного оружия и осознавали его чудовищную разрушительную мощь. Несмотря на интенсивную гонку вооружений, они соревновались перед лицом мирового общественного мнения за первенство в приверженности ядерному разоружению. Эти особенности менталитета лидеров двух сверхдержав, несомненно, оказали большое влияние на их подход к разрешению Карибского кризиса.

Нынешнее поколение государственных деятелей пришло к власти в условиях глобализации, всеобъемлющего международного сотрудничества и снижения угрозы ядерной войны практически до нулевого уровня. Для них ядерная война – абстракция, а ядерные вооружения – политические символы престижа и национального могущества. Военные и гражданские эксперты нового поколения с энтузиазмом развивали новые взгляды на ядерное оружие. Эти кабинетные храбрецы, ни разу не попадавшие под реальный огонь противника, смотрят на войну как на увлекательную игру и ставят под сомнение практически все упомянутые выше постулаты в сфере ядерного оружия, рожденные трудным опытом холодной войны. Они пренебрежительно и превратно судят о полувековых переговорах по ограничению вооружений [см. Караганов, Суслов 2019]. Отметая прошлые ядерные табу, продвигают концепции гибкого и избирательного применения ядерного оружия – в первую очередь тактического. (Кстати сказать, хиросимская бомба, сразу убившая 90 тыс. человек, имела взрывную силу 15 килотонн и была бы сейчас отнесена

⁴⁶ Речь идет о договорах о частичном запрещении ядерных испытаний (1963 г.), неразмещении оружия массового уничтожения в космосе (1967 г.), нераспространении ядерного оружия (1968 г.).

⁴⁷ Это Договор по ПРО и Временное соглашение ОСВ-1 1972 г., Договор ОСВ-2 1979 г., Договор РСМД 1987 г., Договор СНВ-1 1991 г., СНВ-2 1993 г., Рамочное соглашение СНВ-3 1997 г., Соглашение о разграничении стратегической ПРО и ПРО театра военных действий 1997 г., Договор СНП 2002 г., Договор СНВ-3 2010 г.

к тактическому ядерному боеприпасу пониженной мощности.) С наигранным прагматизмом утверждают, что ядерная война не обязательно повлекла бы катастрофические последствия для человечества и что в ней можно победить⁴⁸.

До поры эти тренды ограничивались стратегической теорией в узких экспертных кругах и программами вооружений в недрах военно-промышленных комплексов. Создавались ядерные боезаряды пониженной мощности, высокоточные оборонительные и наступательные неядерные системы большой дальности, разнообразные гиперзвуковые ракеты, космические вооружения, автономные носители и средства кибервойны.

Тем временем, в силу внутренних и внешнеполитических тенденций в России, Европе и США, обсуждение которых не входит в тематику настоящей статьи, нарастали отчуждение и взаимные претензии России и Запада. В нарушение обязательств, данных советскому руководству в 1989–1990 гг., Североатлантический альянс расширялся на восток и включил Киев в число будущих возможных членов. И неслучайно в конечном итоге эпицентром противостояния оказалась Украина, стремившаяся в НАТО и отказавшаяся от минских соглашений по урегулированию конфликтов в районах Донбасской и Луганской областей. Украинский кризис вывел военно-стратегические новации в поле практической политики, и не абстрактного, а вполне реального планирования боевых действий с видом на их возможную “горизонтальную” и “вертикальную” эскалацию.

На Валдайском форуме в Сочи в октябре 2016 г. президент Путин заявил: “Ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всем мире”⁴⁹. Украинский конфликт подвергает эту теорию жестокому испытанию практикой.

При всей остроте текущего кризиса ядерное оружие, безусловно, должно оставаться за его рамками, кроме как в случаях, предусмотренных доктринальными документами России. Это относится не только к делам и словам государственных руководителей. Речь идет также о парламентариях, независимых экспертах и журналистах, которые не должны самоутверждаться за счет безответственных угроз и призывов, усугубляя и без того опасную ситуацию. В этом плане нельзя не согласиться с министром С. Лавровым, который сказал: “Сейчас риски весьма существенные. Мне бы не хотелось, чтобы их искусственно раздували. Желających немало. Опасность серьезная, реальная. Ее нельзя недооценивать”⁵⁰.

Исходя из этого, пока на Украине между сторонами не достигнута договоренность о прекращении огня и перемирии, главным приоритетом России и НАТО должно быть предотвращение “вертикальной” и “горизонтальной” эскалации конфликта. Это предполагает поддержание постоянного канала коммуникаций между военными командованиями (по типу сирийского меха-

⁴⁸ Сивков. К. Разоружен и очень опасен. *Военно-промышленный курьер*, 20.03.2017. <https://vpknews.ru/articles/35718> (accessed 02.04.2017); Храмухин А. Чем опасен конец однополярного мира. *Независимое военное обозрение*, 11.01.2019. http://nvo.ng.ru/concepts/2019-01-11/1_1029_welt.html (accessed 02.04.2017); Широкопад А. Выпустит ли Трамп ядерного джинна из бутылки. *Независимое военное обозрение*, 26.10.2018. http://nvo.ng.ru/realty/2018-10-26/3_1019_tramp.html (accessed 25.05.2022).

⁴⁹ *Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”*. 27.10.2016. <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (accessed 28.02.2018).

⁵⁰ Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова программе “Большая игра” на “Первом канале”, Москва, 25.04.2022. https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1810694/ (accessed 25.05.2022).

низма “деконфликтности”) во избежание военных инцидентов, для устранения возможных ошибок, неясных ситуаций и неправильной оценки действий друг друга. Также следует прекратить нагнетание атмосферы непримиримости, отстранения от власти и грядущего возмездия в отношении высшего руководства вовлеченных государств, без содействия которого невозможно предотвращение эскалации, а в дальнейшем — мирное урегулирование конфликта.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Поскольку этот благозвучный термин сплошь и рядом трактуется произвольно, стоит еще раз напомнить, что он изначально подразумевал не всеобщую международную гармонию, а вполне определенную, согласованную Москвой и Вашингтоном стратегическую концепцию, положенную в основу переговоров по стратегическим вооружениям. В их Совместном заявлении [Совместное заявление... 1990: 197-199] от 1990 г. “стратегическая стабильность” определялась как стратегические отношения сторон, устраняющие стимулы для нанесения первого ядерного удара. Соответственно, будущие договоры СНВ предполагалось строить на основе учета взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, а также уменьшая концентрацию боезарядов на стратегических носителях и оказывая предпочтения средствам с повышенной выживаемостью.

Эти принципы были воплощены через год в ДСНВ-1, а затем наложили более или менее рельефный отпечаток на шесть последующих соглашений в данной области⁵¹. Как показывают динамические модели стратегического баланса России и США [Wilkening 2014: 123-140; Дворкин 2017: 66-67], сегодня исключена возможность массированного разоружающего (контрсилового) ядерного удара какой-либо из сторон, способного предотвратить возмездие. Тем самым, по логике Заявления 1990 г., устраняется стимул к первому ядерному удару, а значит — снимается и стимул к упреждающему удару из страха перед разоружающим ударом противника. Это вполне отвечало пониманию стратегической стабильности в то время и в течение последующего десятилетия.

Но как ни парадоксально, укрепление стратегической стабильности на высшем уровне, охваченном договорами СНВ, породило идеи о возможности использовать не только обычное, но избирательным образом и ядерное оружие в локальном или региональном масштабе, не вызывая эскалацию к обмену массированными ядерными ударами на глобальном уровне. В июне 2019 г. в печать просочились пассажи из секретного документа Комитета начальников штабов США, в котором указывалось: “Применение ядерных вооружений может создать условия для достижения решающих результатов и восстановления стратегической стабильности... Ядерное оружие может быть включено в ведение кампании... с целью эскалации конфликта для достижения мира на более выгодных условиях... *Интеграция применения ядерных вооружений с ведением обычных или специальных операций имеет исключительную важность для успеха любых (курсив мой. — А.А.) миссий или операций*”⁵². Соответственно в США разрабатывается стратегия “многодо-

⁵¹ Это ДСНВ-2 1993 г., Рамочное соглашение ДСНВ-31997 г., Соглашение о разграничении стратегической ПРО и ПРО театра военных действий 1997 г., Договор СНП 2002 г., ДСНВ-3 2010 г.

⁵² Joint publication 3-72, nuclear operations, joint chiefs of staff, 11.06.2019, p. III-3, V-3. https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_72.pdf (accessed 25.05.2022).

менной” войны: военных действий с тесной интеграцией операций на суше, море, в воздухе, космическом и кибернетическом пространствах⁵³.

В России не происходит подобных утечек, но, например, открытые материалы интеллектуальной элиты Воздушно-космических сил свидетельствуют о направлении ее современной военной мысли: “Российская Федерация способна перейти от политики сдерживания потенциального противника ядерным оружием к политике *устрашения* нанесением ему неприемлемого комплексного поражения *всеми видами* вооружений в рамках *превентивных* действий (курсив мой. – А.А.) в условиях нависшей над Российской Федерацией угрозы локальной войны”⁵⁴.

В связи с этими стратегическими новациями влияние украинского конфликта на стратегическую стабильность проявляется, во-первых, в новых взглядах на ядерное сдерживание, которое неразрывно связано со стратегической стабильностью. Ведь последняя является в настоящее время ничем иным, как определенным типом стратегических отношений государств на основе взаимного ядерного сдерживания, при котором ни одна из сторон не имеет стимулов к первому ядерному удару [Совместное заявление... 1990: 197-199]. Теперь, помимо прежних представлений, в качестве адресата политики ядерного сдерживания подразумевается не только потенциал ядерного удара и масштабной неядерной агрессии другой стороны, но и расширение НАТО на восток, ее вовлечение в локальные военные действия на территории противника России, оказание ему помощи поставками вооружений и даже угрожающие заявления и экономические санкции против России.

26

Во-вторых, воздействие украинского кризиса на стратегическую стабильность в том, что он непосредственно отразился на переговорах России и США, которые опять оказались “заморожены” Вашингтоном после успешного дебюта в июле 2021 г. в Женеве. Договоры по ограничению и сокращению вооружений исторически являлись главным способом укрепления стабильности стратегических отношений двух ядерных сверхдержав. Без этого гонка вооружений увеличивает потенциалы первого удара, сокращать которые возможно лишь на взаимной договорной основе. Кроме того, подрывается транспарентность и предсказуемость стратегического баланса.

Кстати сказать, сейчас ситуация была бы намного опаснее, если бы не прошлые достижения контроля над вооружениями. Не следует забывать, что в рамках ДРСМД (1987) и ДСНВ-1 (1991), а также параллельных односторонних инициатив СССР/РФ и США (1991-1992 гг.) были уничтожены или вывезены с территории Украины тысячи ядерных боезарядов стратегического оружия, ракет средней дальности и оперативно-тактических ядерных средств⁵⁵ [Arkin, Fieldhouse 1985: 252-263]. В ином случае нынешний кризис протекал бы при наличии ядерных ракет на территории Украины, что сделало бы аналогию с Карибским кризисом еще более близкой. О степени остроты

⁵³ Feickert A. The U.S. army and multi-domain operations, *CRS Insight*, IN11019, 17.01.2019. <https://sgp.fas.org/crs/natsec/IN11019.pdf> (accessed 25.05.2022).

⁵⁴ Цит. по: Ходаренок М. Лозунги упреждающего удара. *Независимое военное обозрение*, 19-25.02.2021. № 6. С. 1-3.

⁵⁵ Генерал Владимир Дворкин “Интерфаксу”: “Решение о вывозе в Россию тактических ядерных боеприпасов было принято еще во время Беловежских соглашений”. *Интерфакс*, 16.12.2022. <https://www.interfax.ru/30years/806289> (accessed 25.05.2022).

этой темы для России свидетельствует ее реакция на замечание Генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга в декабре 2021 г. о возможности передислокации американских тактических авиабомб из ФРГ на восток, а также на заявление президента Украины В. Зеленского о возможности выхода из Будапештского меморандума⁵⁶. То и другое упоминалось в качестве мотивов российской спецоперации.

Не менее важно, что благодаря прошлым договорам по контролю над вооружениями (от ОСВ-1 в 1972 г. до ДСНВ-3 в 2010 г.) сейчас ни одна из сторон не опасается разоружающего стратегического ядерного удара оппонента и не рассчитывает на победу в ядерной войне. Однако это не снимает угрозу неуправляемой эскалации обычного локального конфликта к ядерному столкновению.

Наконец, в-третьих, влияние текущего конфликта на стабильность проявляется через его воздействие на общий климат политических отношений государств. Исторически процесс смягчения напряженности в Европе шел рука об руку с переговорами по контролю над вооружениями. Процесс урегулирования проблем послевоенных границ Германии, статуса Западного Берлина, успех Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе ощутило благоприятствовали заключению Договоров по ПРО и ОСВ-1, ДРСМД, Договора по сокращению обычных вооруженных сил в Европе, ДСНВ-1, радикальному обоюдному выводу и ликвидации тактического ядерного оружия США и СССР/России. Европейская военно-политическая разрядка напряженности, закреплённая в таких документах, как Основополагающий Акт 1997 г., Стамбульская декларация 1999 г., способствовала радикальному сокращению ядерных вооружений и упрочению стабильности стратегических отношений сверхдержав в 1990-2000-е годы (ДСНВ-2, рамочное Соглашение СНВ-3, Договор по СНП, ДСНВ-3).

Украинский конфликт, ставший самым острым и потенциально самым кровавым кризисом в Европе после 1945 г., возродившим реальную угрозу ядерной войны, с которой, как казалось, навсегда покончили в начале 1990-х годов, основательно разрушил политическую базу стратегической стабильности между Россией и США.

ПОЛИТИКА И СТАБИЛЬНОСТЬ

Полстолетия практического контроля над ядерными вооружениями убедительно продемонстрировали, что договоры в этой области могут ограничить интенсивность гонки вооружений и ее экономические издержки, обеспечить транспарентность и предсказуемость военно-политических отношений государств и тем самым уменьшить угрозу войны. Однако контроль над вооружениями сам по себе не способен предотвратить межгосударственные конфликты, если они порождаются не военным соперничеством (как было с ракетами средней дальности в 1980-е годы), а столкновением геополитических, экономических и идеологических интересов сторон.

⁵⁶ Столтенберг назвал условие размещения ядерного оружия к востоку от ФРГ. *РБК*, 19.11.2021. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61978dc69a79472fd49081e7> (accessed 21.05.2022) Зеленский пригрозил признать неработающим Будапештский меморандум, подразумевающий отказ Украины от ядерного вооружения. *Новая газета*, 19.02.2022. <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/19/zelenskii-prigrozil-priznat-nerabotaiushchim-budapeshtskii-memorandum-podrazumevaiushchii-otkaz-ukrainy-ot-iadernogo-voorzheniia-news> (accessed 21.05.2022).

Пока существует ядерное оружие, его договорно-правовое ограничение не является гарантией от ядерной войны, а может лишь снизить ее относительную вероятность в кризисных ситуациях. Именно политические отношения государств первичны как в решениях об использовании в конфликтах военной силы, включая ядерное оружие, так и применительно к состоянию и перспективам контроля над вооружениями.

События на Украине и вокруг нее наглядно продемонстрировали эту диалектику. После многократного сокращения ядерных вооружений и стабилизации стратегических отношений России и США за последние тридцать лет вероятность применения этого оружия сейчас выше, чем когда-либо после 1945 г., за исключением Карибского кризиса 1962 г.

Сейчас в российском медийном дискурсе приходится слышать, что в украинском конфликте есть лишь два варианта: победа России или ядерная война. Что явилось бы победой, не очень понятно, поскольку выполнение задач СВО в публичной сфере нередко трактуется по-разному, а в конечном итоге будет определяться высшим государственным руководством. Но с ядерной войной все предельно ясно — она стала бы наихудшим и необратимым поражением России в ее тысячелетней истории, поскольку означала бы физическое уничтожение российского народа, его государства и среды обитания. Катастрофический характер такого сценария неоднократно отмечали и российские руководители⁵⁷. Он стал бы несравнимо большим бедствием, нежели монгольское нашествие, великая смута, распад царской и советской империй, после которых Россия вновь и вновь имела шанс возродиться. И тот факт, что одновременно были бы “превращены в радиоактивную пыль” Украина, страны Запада и, вероятно, весь остальной мир, может служить утешением лишь адептам шахидского мировоззрения.

28

Если удастся избежать наихудшего сценария — ядерной эскалации конфликта, — то рано или поздно украинская проблема будет разрешена мирным путем, каким бы трудным и далеким ни казался сейчас такой итог. Его общие контуры уже угадываются, они были впервые намечены на российско-украинских переговорах в Стамбуле в конце марта 2022 г.: в первую очередь это соглашение о прекращении огня и массированная гуманитарная помощь мирному населению охваченных боевыми действиями территорий. Такое соглашение возможно, когда в Кремле решат, что цели СВО достигнуты. Со своей стороны, Украина и НАТО должны отказаться от нереалистичной задачи нанесения военного поражения России. На основе перемирия (под международным контролем) должны начаться мирные переговоры о нейтральном и безъядерном статусе Украины, многосторонних гарантиях ее суверенитета и территориальной целостности в согласованных границах, а также непредвзятое расследование военных преступлений, запрещение нацизма в любых формах проявления, компенсации пострадавшим и восстановление разрушенного, узаконивание статуса русского языка, снятие антироссийских санкций.

После этого, или даже в процессе продвижения к миру, возможно возобновление диалога России и США по контролю над вооружениями. Так бывало и в прошлом. Спустя менее года после Карибского кризиса был заключен первый договор 1963 г. — о частичном запрещении ядерных испытаний. Через четыре года после событий в Чехословакии состоялись договоры по ПРО/

⁵⁷ Путин: теоретические планы РФ применения ядерного оружия носят ответно-встречный характер. ТАСС, 07.03.2018. <http://tass.ru/politika/5014802> (accessed 21.05.2022).

ОСВ-1. Ввод советских войск в Афганистан и срыв ратификации Договора ОСВ-2 (1979 г.) лишь на пять лет отложили переговоры, увенчавшиеся через несколько лет заключением ДРСМД (1987 г.) и ДСНВ-1 (1991 г.). Вскоре после агрессии НАТО против Югославии удалось достичь Договора об СНП (2002 г.), ставшего предтечей ДСНВ-3 (2010 г.).

Вероятно, преодолеть гуманитарные, морально-политические и экономические последствия конфликта в Украине будет намного более трудоемким и долгим делом. Однако возобновление контроля над вооружениями является императивом, как и нормализация отношений России и Запада.

Желательно, чтобы диалог России и США возобновился до истечения продленного срока ДСНВ-3 в феврале 2026 г. В Женеве предстоит решать исключительно сложные вопросы, поскольку летом и осенью 2021 г. США предложили сократить как стратегические, так и тактические ядерные вооружения (включая размещенные в хранилищах)⁵⁸ [Gottmoeller 2020], тогда как Россия поставила вопрос об ограничении как ядерных, так и неядерных наступательных и оборонительных стратегических вооружений⁵⁹. Запрещение развертывания ракет средней дальности (РСД) в Европе останется приоритетной задачей⁶⁰, хотя полностью возродить ДРСМД после его денонсации в 2019 г. было бы весьма трудно, особенно ввиду намерения США развернуть такие ракеты в Азии для сдерживания КНР.

Большой проблемой станет подключение к процессу стратегических переговоров Китая, который летом 2021 г. начал форсированное наращивание стратегических ядерных сил, что в ближайшие 10-15 лет позволит ему догнать и даже перегнать США и Россию и кардинально изменить глобальный и региональный силовой баланс [Арбатов 2022]. Еще сложнее привлечь к разоружению остальные ядерные государства. Тем не менее опыт прошлых десятилетий показал, что при благоприятной международной обстановке можно решать самые трудные договорно-правовые задачи, а их решение, в свою очередь, существенно улучшает мировую атмосферу.

Мирный договор по Украине может стать предпосылкой реновации европейской архитектуры безопасности на основе гарантий суверенитета и территориальной целостности нейтральных безъядерных государств. Их нужно будет закрепить восстановлением режимов контроля над вооружениями и военной деятельностью на континенте. Помимо запрещения РСД, это предполагает глубокое сокращение сил общего назначения НАТО и России, вывод с передовых баз и сокращение тактического ядерного оружия, согласование многих других мер, предложенных Россией в декабре 2021 г.

В нынешней ситуации такие проекты могут показаться наивными благими пожеланиями. Но очевидцы и участники истории последних десятилетий могут вспомнить обстановку и настроения 1983 г.: разгар войны в Афганистане, подавление волнений в Польше, уничтожение южнокорейского Боинга на Дальнем Востоке, ситуация на грани войны с Китаем, начало развертывания американ-

⁵⁸ Pifer S. Reviving nuclear arms control under Biden. *American Ambassadors Review*, December 2020. <https://americanambassadors.org/publications/ambassadors-review/fall-2020/reviving-nuclear-arms-control-under-biden> (accessed 25.05.2022).

⁵⁹ Рябков: Россия предлагает США включить в стратегическую повестку безъядерные вооружения. ТАСС, 27.01.2021. <https://tass.ru/politika/10557045> (accessed 25.05.2022).

⁶⁰ МИД РФ ждет конкретизации позиции США по средствам доставки боезарядов средней дальности. ТАСС, 09.09. 2021. <https://tass.ru/politika/12346705> (accessed 25.05.2022).

ских ракет средней дальности в Европе и срыв переговоров по ограничению ядерных вооружений. Тогда будущее тоже представало в самом мрачном свете...

Однако прошло всего четыре года, и был заключен Договор о ракетах средней и меньшей дальности, затем – по обычным вооружениям в Европе, глубокому сокращению стратегических сил, советские войска ушли из Афганистана, наладились отношения с НАТО и КНР и в итоге – закончилась холодная война и была свернута гонка ядерных вооружений. Конечно, это произошло не само по себе, а в результате целенаправленных усилий многих людей, которые сумели избавить мир от призрака ядерного Апокалипсиса на три последующие десятилетия.

DOI: [10.17976/jpps/2022.04.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.03)

THE UKRAINIAN CRISIS AND STRATEGIC STABILITY

A.G. Arbatov¹

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

ARBATOV, Alexey Georgievich, Full Member of RAS, Director, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Academy of Sciences, email: arbatov@imemo.ru

Arbatov, A.G. (2022). The Ukrainian crisis and strategic stability. *Polis. Political Studies*, 4, 10-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.03>

Received: 12.03.2022. Accepted: 17.05.2022

30

Abstract. The dramatic events in Ukraine, which unfolded from the end of February 2022, marked the end of an historical period of more than half a century. Relations between the USSR/Russia and the West have come full circle and returned to the Cold War, once again bringing the powers closer to the fateful line almost crossed in the days of the Cuban Missile Crisis of October 1962. First of all, presently the reasons for contemplating the use of Russian nuclear forces might allegedly include not only an attack on Russia and its allies using nuclear or conventional weapons, but also NATO's direct involvement in local military operations on the territory of Ukraine, the provision of assistance to it with arms supplies, economic sanctions and even aggressive statements against Russia. In the West, this topic is widely discussed, including at the governmental level, despite Moscow's official statements that it does not have any nuclear plans. Secondly, the impact of the Ukrainian tragedy on strategic stability is that it directly affected the negotiations between Russia and the United States on strategic weapons, which were once again "frozen" after a successful debut in July 2021 in Geneva. Third, the current conflict has had a detrimental effect on the overall climate of political relations between states in Europe and beyond, which has always been an important foundation for arms control negotiations. If the worst-case scenario is avoided, then sooner or later the Ukrainian problem will be resolved peacefully, no matter how difficult and distant such an outcome may seem now. After that, or even in the process of moving towards peace, it is possible to resume the dialogue between Russia and the United States on arms control. This has been the case in the past, starting with the easing of tensions after the Cuban Missile Crisis and the signing of the 1963 Partial Nuclear Test Ban Treaty. After that, while resolving periodic crises, the responsible powers concluded dozens of treaties on nuclear weapons and other lethal means, which made it possible by the end of the 1980's to end the Cold War, curtail the arms race and rid the world of the specter of a nuclear Armageddon for the ensuing thirty years.

Keywords: Russia, the USA, Ukraine, special military operation, strategic stability, arms control.

References

- Arkin, W. & Fieldhouse, R. (1985). Nuclear battlefields. institute for policy studies. Ambridge, MA: Ballinger Pub.
- Ellsberg, D. (2017). The doomsday machine. Confessions of a nuclear war planner. New York, NY: Bloomsbury.

Gottmoeller, R. (2020). Rethinking nuclear arms control. *The Washington Quarterly*, 43(3), 139-159, <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1813382>

Kristensen, H.M. & Korda, M. (2020). Russian nuclear forces, 2020. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 76(2), 102-117. <https://doi.org/10.1080/00963402.2020.1728985>

Kennedy, R. (1969). *Thirteen days. A memoir of the Cuban missile crisis*. New York, NY: W.W. Norton and Company.

Kaplan, F. (1983). *The wizards of Armageddon*. New York, NY: Simon and Schuster.

Wilkening, D. (2014). Strategic stability between the United States and Russia. In D. Ochmanek, & M. Sulmeyer (Ed.), *Challenges in U.S. National Security Policy: A Festschrift Honoring Edward L. (Ted) Warner* (pp. 123-140). Washington, D.C.: RAND. http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/corporate_pubs/CP700/CP765/RAND_CP765.pdf

Arbatov, A. (2021). Strategicheskaya stabil'nost' – oruzhie i diplomatiya [Strategic stability – weapon and diplomacy]. Moscow: Ves' mir Publ. (In Russ.)

Arbatov, A. (2022). Strategic stability and Chinese gambit. *World Economy and International Relations*, 66(3), 5-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-5-22>

Dvorkin, V. (2017). Sokrashchenie nastupatel'nykh vooruzhenii [Reduction of offensive weapons]. In A. Arbatov, & V. Dvorkin (Ed.), *Politsentrichnyi yadernyi mir: vyzovy i novye vozmozhnosti* [Polycentric Nuclear World: Challenges and New Opportunities] (pp. 54-74). Moscow: Carnegie Moscow Center; Political Encyclopedia. (In Russ.)

Karaganov, S., & Suslov, D. (2019). Deterrence in the new era. *Russia in Global Affairs*, 4. (In Russ.) <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174>

Baranovskii, V. (2021). Mezhdunarodnyi landschaft: epokha peremen [International landscape: the epoch of changes]. Moscow: Ves' mir Publishers. (In Russ.)

Khrushchev, S. (1994). Nikita Khrushchev: krizisy i rakety [Nikita Khrushchev: crises and missiles]. Vol. 2. Moscow: Novosti Publishers. (In Russ.)

Sovmestnoe zayavlenie otnositel'no budushchikh peregovorov po yadernym i kosmicheskim vooruzheniyam i dal'neishemu ukrepleniuyu strategicheskoi stabil'nosti [Soviet-United States joint statement on future negotiations on nuclear and space arms and further enhancing strategic stability]. (1990). In *Gosudarstvennyi vizit Prezidenta SSSR M.S. Gorbacheva v Soedinennye Shtaty Ameriki, 30 maya – 4 iyunya 1990 goda. Dokumenty i materialy* [State visit of the President of the USSR M.S. Gorbachev to the United States of America, May 30 – June 4, 1990. Documents and materials]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Sharikov, P. (2022). Military cybersecurity issues in the context of Russia's special military operation in Ukraine. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, II 13(280), (In Russ.) <http://doi.org/10.15211/analytics21320220512>

Литература на русском языке

Арбатов А. 2021. *Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия*. М.: Весь мир.

Арбатов А. 2022. Стратегическая стабильность и китайский гамбит. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 3. С. 5-22. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-5-22>

Барановский В. 2021. *Международный ландшафт: эпоха перемен*. М.: Весь мир.

Дворкин В. 2017. Сокращение наступательных вооружений. *Полицентричный ядерный мир: вызовы и новые возможности*. Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги; Политическая энциклопедия. С. 54-74.

Караганов С., Суслов Д. 2019. Сдерживание в новую эпоху. *Россия в глобальной политике*. № 4. <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174>

Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. 1990. *Государственный визит Президента СССР М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 года. Документы и материалы*. М.: Политиздат.

Хрущев С. 1994. *Никита Хрущев: кризисы и ракеты*. Т. 2. М.: Новости.

Шариков П. 2022. Военные аспекты кибербезопасности в контексте специальной военной операции РФ на территории Украины. *Аналитические записки Института Европы РАН*. Вып. II. № 13 (280). <http://doi.org/10.15211/analytics21320220512>